

1. Слежка НКВД (Софья Островская), Лев Гумилев и “Слава Миру”

ВВОД

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

К моменту “ежовщины” я уже более 10 лет жила с Николаем Пуниным, его дочерью и моим сыном Львом. 22 октября 1935 года Николай и Лев были арестованы по обвинению в том, что «являлись участниками и вдохновителями контрреволюционной террористической группы студентов». Я не знала, что мне делать, и рванула в Москву, где гостила у Ардовых. Было ужасно страшно, что мое имя все испортит, что сделает им хуже, и так меня все еще не печатали, и тем не менее я связалась с Борей Пастернаком, и через него передала прошение в Кремль. Не знаю, сработало ли это, а может что-то другое, но через неделю их отпустили. А в 38 мы с Николаем уже разошлись.

СОБЫТИЕ ВЫБОР

Дети: Ирина Пунина (дочь Николая), Виктор Ардов (драматург друг), Нина Ольшевская (его жена), Лидия Чуковская (подруга, мемуаристка), Софья Островская (орг, “подруга”, слежка НКВД, на протяжении всего события все время пишет в блокнот что-то).

Начинаю с представления всем всех.

АА: Ира, как там твой отец? Я ничего от него не слышала. После того, как Леву забрали переживаю за всех. Снова был арестован по обвинению “в терроризме и антисоветской деятельности”. В какое время мы живем...

Что-то отвечает девочка

АА: И то хорошо. Я никудышной матерью всю жизнь была, да и буду, но что могу - сделаю. 5 лет, вы себе можете представить? 5 лет в исправительных лагерях! Мне тут кое-что написало недавно. Но и не знаю, читать или нет. Софочка, а что вы все пишете?

С: Да нет-нет, ничего. Вы что-то хотели прочесть? Я в нетерпении, Анна Андреевна!

АА: Вот и не знаю, читать ли мне, но называется “Реквием”, пока не все готово, да и личное очень.

1) Если дети решают читать, во время прочтения Софья Островская записывает дословно некоторые строки, Анна подмечает это и говорит “Уж не передавайте никому до выхода в свет”.

*Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.*

2) Если дети решают не читать, то сразу переходим к тому, что собираем передачку Льву. Собрав передачку, мы выходим и завязываем глаза.

Переход

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):
— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

В 1944 Лев вышел из Норильлага и сразу ушел на фронт. Я же была с началом войны перевезена в Ташкент, где выступала в госпиталях, читала стихи раненым солдатам и жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте, и вернулась в северную столицу лишь летом 44-го года.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе... Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе.

Казалось, все страшное уже позади, но мы ошибались. Прошло немного времени с возвращения, как Льва забрали снова. На 10 лет. Без предъявления обвинений.

*Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,*

И звон кадилыйный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

Продолжение

АА: Я что-то должна сделать. Ну хоть что-то. Да, я ношу передачи, стою с матерями, сестрами, дочерьми. Но разве этого достаточно?

С: С твоим именем только записка писать. Да и кому?

АА: На имя Сталина.

С: (записывает) О чем? Зачем? Пойду заварю чай.

Когда Софья уходит, Анна обсуждает с детьми, что ей известно, что за ней следят, что каждый шаг ее передают, что она подозревает Софью, но доподлинно не знает ничего, и не знает, надо ли это узнавать, может лучше быть в неведении.

1) Решают узнать. Дети должны выведать у Софьи и заполучить блокнот, идут к ней, пока Анна пишет письмо. Крадут/отвлекают, получают блокнот, в нем повременные записи и цитаты из произведений. Приносят Анне.

2) Решают не узнавать. Вместе пишут письмо на имя Сталина, прикладывают стихотворение:

*Что начал Стокгольм – продолжала Варшава,
И миру звучит неумолчная слава,
Воздвигнуто зданье прочней пирамид.
И с каждой минутой все ярче горит
Тот светоч, зажженный народной волей,
Чтоб не было больше ни страха, ни боли.
Да здравствуют честные люди труда,
Да славится мир! Пусть везде и всегда.
Он узами дружбы скрепляет народы
И сеет прекрасные зерна свободы.*

АА (Софье): Нравятся стихи? Ты опять записываешь.

С: Так я для себя.

АА: Давай я же тебе и запишу. Своей рукой.

С: Да нет, мне так разборчивее и понятнее. Пойду отправлю.

Анна говорит с детьми о произошедшем. Софья возвращается с письмом, где Лев упрекает ее, что она только для поэзии его использует, но ничем не помогает ему. В расстройстве Ахматова уходит.

ВЫВОД

*Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапку набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.*

Я написала Сталину письмо с просьбой освободить сына, которое осталось без ответа, а сразу после министр госбезопасности СССР **В. С. Абакумов** отправил Сталину докладную

записку “О необходимости ареста поэтессы Ахматовой”. Меня не арестовывали, но это было “предупреждением”. Отношения со Львом, даже после выхода его, так и остались напряженными, сложными, в чем мне его винить невозможно, я действительно до этих лет была плохой матерью. Но в те годы делала все, что могла.

Что до Софьи, такова была эта женщина — одновременно и друг, и злейший недруг. Оборотень. Женщина с двойным дном. Когда-нибудь о Софье Казимировне Островской будет написана книга. Но я не жалею, что мне не придется быть её читателем. С меня довольно и того, чему я была свидетелем.

*Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...*